

РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*А.Ю. КУЛЬКОВА***Взаимосвязь религиозности
и политического участия:
Россия и Европа**

Статья представляет собой первый шаг в анализе сути взаимосвязи религиозности и политического участия в современной России и ставит перед собой цель выявления значимых различий в политическом участии между религиозными и нерелигиозными людьми. Результаты статистического анализа показывают, что склонность индивида к политическому участию в России, как и в общеевропейской выборке, зависит от его конфессиональной принадлежности, а также степени религиозности.

Ключевые слова: политическое поведение, политическое участие, религиозность, религия и политика, Россия и Европа.

The article is a first step towards understanding the specifics of the interaction between religiosity and political behavior in contemporary Russia and sets a goal to identify whether there are significant differences in political participation between religious and nonreligious people. Statistical analysis results show that political participation of Russians as well of Europeans is influenced by both religious affiliation of the respondent and the degree of religiosity.

Keywords: political behavior, political participation, religiosity, religion and politics, Russia and Europe.

Несмотря на секуляризационные процессы XX в., политика в Европе сегодня по-прежнему подвержена влиянию религии. Христианско-демократические и консервативные партии не только не теряют свой электорат, но и в некоторых странах наращивают его. Группы религиозных людей протестуют против легализации однополых браков и абортот. Работы, посвященные взаимосвязи индивидуальной религиозности и политического поведения, рассматривают преимущественно специфику США, в то время как на страны Европы таковых приходится значительно меньше, а Россия с данной точки зрения вообще не исследована. Начало 2010-х гг. в России ознаменовалось противопоставлением в публичном дискурсе религиозных и светских ценностей, а также повышением уровня политического активизма населения крупных городов.

Современная Россия – это посткоммунистическое государство, где большинство верующих исповедуют православное христианство и ислам, взаимосвязь которых с политическим участием не изучена. Таким образом, представляется важным исследовать взаимосвязь между религиозностью и политическим участием в странах

Европы, чтобы понять, вписывается ли Россия в общеевропейские тенденции или принципиально от них отличается? Статья представляет собой первый шаг на пути к пониманию сути взаимосвязи религиозности и политического участия в современной России и ставит целью выявление значимых различий в политическом участии между верующими и атеистами, между теми, кто активно ходят в храм, и теми, кто верят “самостоятельно”.

Под политическим участием будет пониматься форма публичного и гражданского поведения, которое имеет своей целью оказание влияния на государственную политику [Wielhouwer, 2009], а под религиозностью – совокупность религиозных характеристик индивида.

Как религиозность может влиять на политическое поведение?

Пытаясь ответить на этот вопрос, П. Визлхауэр выделяет три основных группы подходов к рассмотрению роли религии как внутреннего фактора, влияющего на политическое участие. В социологических подходах основной акцент делается на конфессиональной принадлежности индивидов (*belonging*) как источнике вариации в политическом участии; социопсихологические подходы фокусируются на влиянии верований людей (*believing*); а социально-интеграционные подходы (*behaving*) объясняют влияние религиозности через религиозное поведение [Wielhouwer, 2009].

Наиболее часто в эмпирических исследованиях религиозность человека понимается просто как его аффилиация с религиозной традицией. Церковь, с такой точки зрения, предстает в роли сообщества людей, объединенных общими ценностями и интересами. Большинство исследований в русле социологического подхода характеризуется повышенным вниманием к взаимосвязи между принадлежностью к религиозной традиции и отношением к какой-то проблеме (например, абортam, школьному образованию) или электоральными предпочтениями [McTague, Layman, 2009]. Например, католики и евреи в США в течение последних десятилетий отдают предпочтение Демократической партии, в то время как республиканцы в качестве целевой аудитории рассматривают протестантов, особенно евангелистов [Esmer, Pettersson, 2007]. В Европе же, несмотря на секуляризационные процессы, влияние религии на партийный выбор также не уменьшается: религиозные люди более склонны голосовать за христианско-демократические партии, а если в стране таких нет, то отдадут предпочтение консерваторам [Brug, Hobolt, Vreese, 2009]. Более того, католики гораздо позитивнее относятся к евроинтеграции в сравнении с атеистами и протестантами вследствие нацеленности католической церкви на объединение христианской Европы, в то время как протестанты стремились отмежеваться от власти католиков [Nelsen, Guth, Fraser, 2001].

Серьезные различия между конфессиями наблюдаются и в склонности их членов к политическому участию, то есть в готовности ходить на выборы, подписывать петиции, участвовать в акциях протеста. Так, для американских евреев и традиционных протестантов характерна более высокая в сравнении с другими конфессиями готовность голосовать. В середине этой шкалы находятся католики и протестанты-евангелисты, в то время как темнокожие протестанты и избиратели, не принадлежащие ни к одной конфессии, в меньшей степени склонны к участию в электоральном процессе [Wielhouwer, 2009]. Ю. Ли и Д. Марш показывают, что в Великобритании мусульмане и индуисты гораздо менее склонны к любому виду участия в политике, чем атеисты и последователи всех ветвей христианства [Li, Marsh, 2008]. Можно предположить, что в этом случае разница в склонности к политическому участию идет вовсе не от конфессиональной принадлежности, но от экономического положения человека: мусульмане и индуисты в Великобритании в основном – мигранты, неквалифицированная рабочая сила. Эмпирическая проверка показала, что при прочих равных условиях малообеспеченные мусульмане и индуисты ничем не отличаются от малообеспеченных представителей других конфессий, однако более обеспеченные их братья по вере

гораздо меньше вовлечены в политический процесс, нежели христиане и атеисты такого же уровня доходов.

Различия в склонности к политическому участию между представителями разных конфессий могут быть следствием того, что религиозные традиции в своей основе имеют доктрины, которые устанавливают разные отношения между религией и политикой и по-разному понимают должное общественное устройство. Так, разные доктрины, к примеру, могут поощрять политическое участие верующих или клеймить политику как “грязное дело”, принципиально не признавать права сексуальных меньшинств или пропагандировать более терпимое отношение к представителям нетрадиционной сексуальной ориентации [Philpott, 2007]. Если буддисты традиционно равнодушны к участию в политике из-за характерной философии отрешенности, то христиане в целом более активны политически, а в исламе религия и политика неразделимы.

Иными словами, разные религиозные традиции устанавливают разные поведенческие нормы во всех сферах жизни, включая политическую, а верующие этим нормам следуют. Например, американские религиозные общины, для которых нехарактерна пропаганда абсентеизма, обычно “специализируются” на каком-то виде политических действий и занимаются преимущественно им. Значительная часть общин чернокожих протестантов приглашают местных политиков выступить перед прихожанами и собирают голоса в их поддержку. Католики организуют демонстрации и лоббируют решения в местных органах власти, а евангелисты в основном занимаются распространением листовок [Beyerlein, Chaves, 2003]. Таким образом, принадлежность к той или иной конфессии может в серьезной мере предопределять специфику политического участия индивида.

Несмотря на то, что религиозную аффилиацию индивида легко замерить и удобно использовать как индикатор в количественных исследованиях, такое понимание религиозности не лишено недостатков и постоянно критикуется исследователями. Не всегда понятно, как именно религиозная традиция индивида влияет на его политические взгляды и склонность к участию в политике. Конфессии могут различаться между собой не только в религиозных доктринах и политических теологиях (представления о должной взаимосвязи религии и политики), но и в организационном устройстве религиозных общин. Высокий уровень внутриобщинной дисциплины приводит к появлению феномена политического единообразия членов общины, что выражается в консолидированной поддержке одобряемых в общине политиков и видов политического активизма. Так, в США евреи и протестанты, чьи общины характеризуются повышенным уровнем дисциплины и сплоченности, более склонны к голосованию, чем верующие, принадлежащие к менее сплоченным общинам, или атеисты [Wald, Owen, Hill, 1990].

Принадлежность респондента к религиозной традиции широко используется в качестве объясняющей переменной в современных исследованиях, посвященных политическому участию [Brady, Verba, Schlozman, 1995] и социальной политике [Alesina, Giuliano, 2011]. Однако большие сомнения вызывает возможность кросс-странового анализа на основании такого понимания религиозности. Можно ли объединять представителей одной конфессии из разных стран и утверждать, что им свойственно схожее отношение к политическому участию? К примеру, католические общины Чехии и Польши существенно различаются в своем отношении к участию в политике, а мусульманские общины в странах, где мусульмане составляют меньшинство, не тождественны общинам из преимущественно мусульманских стран [Pepinsky, Welborne, 2011]. Католическая церковь в одних странах исторически была слабо отделена от государства, и ее клир не имел опыта оппозиционной политической деятельности из-за финансовой зависимости от государства (Чехия), в то время как в других странах та же католическая церковь становилась активным сторонником процессов демократизации и самостоятельным участником политического процесса, поощряющим участие верующих в политике (Польша).

В политической же теологии православия по сути отсутствует в явном виде идея отделения церкви от государства как следствие реализации идей цезаропапизма и

исторически тесного контакта между религиозной и светской властями. Русская православная церковь (РПЦ) не была активным участником демократизации, так же как не была и оплотом сопротивления коммунистическому режиму, находясь от него в слишком сильной зависимости. Как следствие, в православной традиции характерно отсутствие критики светской власти и противостояния ей, а значит, если религиозные общины и будут поддерживать политическое участие своих членов, то, скорее всего, только направленное на сохранение *status quo*.

Обобщая, можно ожидать большей склонности к политическому участию от сторонников религиозных традиций, которые в конкретной стране никогда не были слишком сильно интегрированы в государственную систему и не находились от нее в сильной зависимости, нежели от сторонников государственных церквей [Philpott, 2007]. Так как опыт взаимодействия с государством у одних и тех же религий может различаться в разных странах, необходимо в кросс-страновом анализе принимать во внимание отношения государство–церковь. Совсем свежим кейсом в этой связи является деятельная поддержка Украинской православной церковью Киевского патриархата (УПЦ КП) акций протеста на Украине, начавшихся в ноябре 2013 г. в связи с внезапным отказом руководства страны от вступления в ЕС, в то время как украинские иерархи из приходов, относящихся к УПЦ Московского патриархата из-за зависимости от церковного руководства и, следовательно, России, критиковали “Евромайдан”.

Понимание религиозности как религиозного участия восходит к работам Э. Дюркгейма, в представлении которого религиозные ритуалы служат для формирования групповой солидарности и укрепляют связи между индивидами внутри общества. Бихевиоральный аспект религиозности операционализируется через частоту посещения индивидом религиозных служб и мероприятий религиозной общины, то есть через некоторые количественные проявления приверженности индивида религиозной традиции и ее нормам. Предполагается, что для людей, которые исполняют предписанные ритуалы, религия важна, а значит, их можно назвать религиозными. Напротив, индивиды, лишь отождествляющие себя с религиозной традицией, но не следующие религиозным нормам, религиозными считаться не могут. Сторонники этого направления полагают, что в современном постсекулярном мире основной политический раскол проходит не между представителями разных конфессий, но между религиозными людьми и теми, кто являются атеистами.

С такой точки зрения, религиозная община – не только сообщество людей со сходными убеждениями (как в логике социологического подхода), но и агент социализации, который распространяет свои ценности среди последователей, причем, чем сильнее верующие вовлечены в жизнь религиозной общины, тем сильнее они подвержены этому влиянию [Wald, Owen, Hill, 1990]. Вместе с тем активное участие человека в религиозной жизни общины может косвенно свидетельствовать о том, что он разделяет характерные для этой общины ценности. Таким образом, если община считает какой-то тип политического поведения приемлемым, то член этой общины окажется в большей степени склоненным именно к такому типу политического поведения, вне зависимости от того, будет ли это активное участие в политике или абсентеизм. Церкви могут принимать активное участие в электоральной мобилизации верующих, поскольку имеют непосредственную возможность убеждать прихожан в необходимости политических действий или голосовании за конкретного кандидата. Даже если агитация за кандидата внутри религиозной общины характерна не для всех стран и не для всех религий, то в случае появления в повестке дня таких вопросов, как репродуктивные права и права сексуальных меньшинств, консервативным политикам удобно искать поддержки именно среди религиозных сограждан [Gershtenson, 2003]. Таким образом, регулярное посещение религиозных мероприятий повышает шансы индивида подвергнуться влиянию консервативного движения.

Взаимосвязь между религиозным и политическим участием не исчерпывается влиянием, которое оказывают внутриобщинные нормы на индивидуальное полити-

ческое поведение. Т. Макалузо и Дж. Вэнэт полагают, что необходимость регулярно посещать церковь формирует у человека навыки, сходные с гражданскими, а также повышает его чувство социальной и политической ответственности: “Наиболее религиозные люди придают большое значение порядку, ритуалам, долгу и легитимности, а это именно те психологические черты, которые существенно и отвечают за чувство гражданской ответственности” [Macaluso, Wanat, 1979, p. 160]. В то же время религиозное участие может приводить и к участию политическому, поскольку у человека формируется “привычка участвовать”.

Несмотря на свою популярность, бихевиоральное измерение религиозности неоднократно подвергалось критике прежде всего за невозможность корректного сравнения религиозного участия представителей разных религиозных конфессий. Религии предъявляют к своим последователям абсолютно разные требования в том, что касается соблюдения религиозных ритуалов (обязательности посещения религиозных служб или совершения молитвы): к примеру, действия, которые обязательны для мусульманина, не будут таковыми для буддиста [Esmer, Pettersson, 2007]. В некоторых локальных сообществах посещение религиозных мероприятий – индикатор следования скорее социальным, а не религиозным нормам и традициям.

Простой подсчет числа посещений религиозных мероприятий ни в коей мере не отражает тех верований, которые лежат в основе религиозных воззрений индивида: вне поля зрения остается его мотивация к религиозному участию и действительная степень его религиозности. Исповедовать фундаменталистские взгляды можно и без регулярного посещения церкви, равно как и регулярно участвовать в делах своей умеренной по взглядам общины и быть активным религиозным модернистом. Отсутствие в месте проживания индивида церкви или мечети негативно скажется на уровне его религиозного участия, однако не повлияет на верования и индивидуальные религиозные практики, такие как совершение молитвы или медитации, соблюдение поста.

Другое основание для критики – разнонаправленный эффект, который религиозное участие может оказывать на участие политическое. Для того чтобы религиозное участие положительно влияло на политическое, необходим вспомогательный социальный капитал (*binding social capital*), то есть действия членов общины должны быть направлены вовне. Такое возможно, если в общине существуют социальные программы, направленные, например, на помощь бедным или бездомным, которые будут включать общину во взаимодействие с другими социальными группами и миром политики. Напротив, если община замыкается в себе, а ее члены уделяют все свое время религиозным практикам, то формируется связующий социальный капитал (*bonding social capital*) и включается “эффект замещения” политического участия религиозным [Guth... 2002; Putnam, 1995].

Наконец, игнорирование содержательной стороны религиозности и фокусирование исключительно на поведенческих характеристиках индивидов приводит к тому, что как фактор в плане влияния на политическое участие включенность индивида в религиозную общину становится неотличимой от включенности в деятельность, к примеру, клуба садоводов. Во всех случаях формируется некоторый тип социального капитала, положительно (*binding*) или отрицательно (*bonding*) влияющий на гражданскую ответственность и склонность к политическому участию, но это уже не имеет отношения непосредственно к религиозности.

Критики “простых” пониманий религиозности [Driskell, Embry, Lyon, 2008; Guth... 2002] предлагают обратить внимание на содержательную сторону религиозности, а не только на количественные ее проявления и религиозную аффилиацию. Именно религиозные верования составляют принципиальную разницу между религиями и в значительной степени предопределяют поведенческие паттерны верующих. Существует множество вариантов операционализации религиозных верований. Например, Дж. Гут, Л. Кельстедт, Дж. Грин и К. Шмидт предлагают делить религи-

озных людей на две группы: ориентированных на “мир небесный” (“традиционалисты”) и на “мир земной” (“либералы”). В этой логике традиционалисты будут менее склонны к политическому участию, предпочитая сфокусироваться на спасении души. “Религиозные либералы”, напротив, заинтересованы в земной жизни; либеральный клир ведет себя более активно, пропагандируя ответственное отношение к выборам [Guth... 2002].

Р. Дрискелл, Э. Эмбри и Л. Лион понимают религиозные верования, во-первых, как представления о том, вовлечен ли Бог в земные дела, и во-вторых, как отношение к священным текстам, операционализируемое как склонность к буквальной или литературной трактовке [Driskell, Embry, Lyon, 2008]. Индивиды, которые верят в предопределенность, в меньшей степени будут склонны к политическому участию, в отличие от тех, кто верят в “неактивного Бога” и в большей степени мотивированы предпринимать какие-то действия самостоятельно. Таким образом, буквальное понимание религиозных текстов – еще один способ выявления среди верующих традиционалистов и фундаменталистов.

То, во что люди верят, – несомненно, самое точное определение религиозности. Однако верования гораздо сложнее зафиксировать эмпирически, чем принадлежность к религиозной традиции или соблюдение религиозных ритуалов. Чрезвычайно сложно сформулировать такой вопрос о сути религиозных верований, чтобы, во-первых, ответ на него был бы информативен и полезен, и во-вторых, этот вопрос можно было бы задать представителям разных конфессий и получить сравнимые ответы. В международных массовых опросах тема верований представлена очень узко: вопросы в основном касаются веры в Бога и загробную жизнь. Используемые на сегодняшний день формулировки вопросов о верованиях не позволяют провести корректный межконфессиональный и межстрановой анализ.

Влияние верований индивида на политическое участие может быть разнонаправленным, так же как и эффект от религиозного участия. Если раньше считалось, что религиозный фундаментализм ведет к абсентеизму, потому что община замыкается в себе, то сегодня религиозные консерваторы активно участвуют в политическом процессе, особенно когда в повестку дня включаются такие вопросы, как допустимость абортов, права женщин и сексуальных меньшинств. Таким образом, приверженность фундаменталистским или, напротив, либеральным религиозным взглядам вряд ли повлияет на общую склонность к политическому участию, однако сможет предопределить политические взгляды и типы политического участия.

Из-за того, что верования и религиозное участие различаются между конфессиями, в международных массовых опросах часто присутствует дополнительный индикатор степени религиозности индивида – насколько респондент сам себя считает религиозным или насколько для него важна религия [Пруцкова, 2012]. Такая постановка вопроса позволяет респонденту выразить свое субъективное отношение к религии, а результаты могут быть сопоставимы между представителями разных конфессий без учета содержательной стороны религиозности. Сложность здесь представляет шкала ответов, которая предлагает респонденту оценить свою религиозность от 0 (религия совсем не важна) до 10 (религия очень важна). Но существует ли какая-то разница на этой шкале, скажем, между 6 и 7 баллами, а главное, все ли респонденты понимают эту разницу одинаково?

Идеального индикатора религиозности не существует, поэтому в начале 2000-х гг. исследователи стали все чаще применять комплексный подход к операционализации религиозности, подразумевающий одновременное использование религиозной принадлежности, религиозного участия и верований в качестве переменных, объясняющих склонность людей к политическому участию [Driskell, Embry, Lyon, 2008; Guth... 2002]. Одновременное включение этих переменных в статистический анализ позволяет сравнить эффект, который разные грани религиозности оказывают на политическое участие индивидов, и выявить, какой из религиозных предикторов объясняет политическое участие лучше.

Описание данных и методов

Рассмотренные теоретические подходы предлагают множество вариантов того, как религиозность может влиять на политические предпочтения и политическое участие, и теперь нам важно понять, сходна ли взаимосвязь между религиозностью и политическим участием в России и других странах Европы? Исходя из рассмотренных моделей, можно предположить, что для всех стран будет характерна взаимосвязь между религиозностью и политическим участием: ценности верующих и неверующих, воцерковленных и не принадлежащих к религиозным общинам могут различаться, что может оказывать влияние на склонность этих людей к политическому участию.

Однако Россия принципиально отличается от большинства европейских стран спецификой религиозности. Так, уровень религиозного участия в России довольно низкий и в традиционных российских религиях (православие, ислам и буддизм) составляет менее 30%, поскольку в массовом сознании это скорее культурные, нежели религиозные традиции [Мчедлов... 2005]. Последователи протестантской и католической традиций показывают более высокие уровни участия, а также более прилежно следуют основным предписаниям своих религий, отчасти из-за высокой степени дисциплины и консолидации, свойственных этим общинам, но также и из-за менее строгой обрядовой системы [Кофанова, Мчедлова, 2010]. Более того, стандартная для общероссийских опросов ситуация, когда количество респондентов, отождествляющих себя с той или иной конфессией, превышает количество верующих на 20–30%: православные или мусульмане не обязательно являются верующими. Иными словами, если человек считает себя русским, то для него это тождественно принадлежности к православной культурной традиции, а если татарин, то это тождественно принадлежности к исламу. Таким образом, самоидентификация человека как какой-то религиозной традицией может ничего не говорить о его верованиях и ценностях, но будет отражать его представления о себе как о мусульманине или православном или же являться “субститутутом гражданства” [Зоркая, 2013]. Ситуация усугубляется тем, что большинство россиян, отождествляющих себя с православием, не верят в православные догматы, зато верят в магию, переселение душ и приметы [Каарияйнен, Фурман, 2007]. А это значит, при формировании отношения к политическому участию такие индивиды будут руководствоваться не политической теологией своей религиозной традиции, но своими представлениями о том, как должен вести себя православный, мусульманин или атеист. Для представителей большинства европейских стран можно ожидать зависимости политического поведения не только от конфессиональной принадлежности, но и от объективных измерений религиозности.

Для проведения статистического анализа в работе используются данные проекта Европейское социальное исследование (ESS), шестой круг которого (2012 г.) охватывает такие страны, как Бельгия, Болгария, Кипр, Эстония, Финляндия, Чехия, Швейцария, Швеция, Норвегия, Дания, Германия, Словакия, Исландия, Ирландия, Великобритания, Испания, Словения, Польша, Португалия, Нидерланды и Россия. В результате исключения пропущенных наблюдений в общеевропейской выборке осталось более 32 тыс. наблюдений, а в российской – более 1800 [European... 2012].

Европейское социальное исследование было выбрано в качестве источника данных, поскольку в структуре его опросника в 2012 г. присутствуют одновременно блоки вопросов про религиозность, а также про политические предпочтения и политическое участие. Формулировки вопросов выверены, а восприятие их сопоставимо среди представителей разных языковых групп. Единственный серьезный недостаток ESS – отсутствие вопросов о религиозных верованиях респондентов.

В соответствии с существующими сегодня подходами к операционализации религиозности в работе используются разные измерения этого понятия. Во-первых, в регрессионную модель включается понимание религиозности как конфессиональной принадлежности респондента (католицизм, протестантизм, православие, другие на-

правления христианства, иудаизм, ислам, буддизм, другие нехристианские религии, атеизм). Чтобы отделить эффект религиозности от эффекта от представлений о себе в качестве религиозного человека, в модель также включаются количественные измерения религиозности, такие как частота посещения религиозных мероприятий и частота совершения молитвы (от 0 – никогда, до 7 – каждый день). Наконец, во всех моделях используется компромиссный индикатор религиозности – “религиозная самооценка” респондента, измеряемая по шкале от 0 (совсем нерелигиозен) до 10 (очень религиозен). Вопрос ставится следующим образом: “Независимо от того, являетесь вы последователем какой-либо религии или нет, скажите, пожалуйста, насколько религиозным человеком вы себя считаете?”, что позволяет респонденту выразить свое мнение о роли религии в его жизни, а исследователям позволяет не ограничиваться исключительно количественными проявлениями религиозности или приписыванием индивида к какой-то религиозной традиции.

В качестве контрольных переменных используются пол, возраст, образование и доход, что позволяет оценить эффект непосредственно от разных измерений религиозности при зафиксированном социально-экономическом статусе респондента. Во всех моделях с общеевропейской выборкой вводится дополнительный контроль – страна проживания респондента, чтобы нивелировать возможный эффект от межстрановых различий в политическом поведении. Использование страновой принадлежности очень важно, поскольку оказывается, что жители России при прочих статистически равных условиях менее склонны к политическому участию, чем жители всех европейских стран, кроме Эстонии и Польши.

Для того чтобы сравнить, как религиозность влияет на политические предпочтения россиян и респондентов из общеевропейской выборки, будет использовано несколько переменных: самопозиционирование респондента на политической шкале, отношение к правам сексуальных меньшинств, а также к размеру государственной политики перераспределения. В качестве зависимой переменной выступает склонность индивида к политическому участию, которая измеряется как аддитивный индекс политического участия. Индекс формируется из следующих компонентов:

- голосование на предыдущих выборах;
- общение с местными политиками;
- участие в демонстрациях;
- участие в партийной деятельности;
- работа для общественной организации;
- подписание петиций;
- ношение символики партии /политика;
- бойкотирование какой-то продукции.

Индекс считается путем суммирования положительных ответов респондента на вопросы о предпринятых им за последний год политических действиях, перечисленных выше. За каждый положительный ответ присваивается 1 балл. Индекс измеряется по шкале от 0 до 8, где 0 означает, что респондент за прошедший год не совершил ни одного политического действия, а 8 – что респондент совершил все из перечисленных выше политических действий.

Влияние религиозности на политическое участие будет исследоваться с помощью пуассоновской модели регрессии, поскольку в качестве зависимой переменной выступает аддитивный индекс политического участия, который представляет собой сумму случайных событий. В таблице 1 с результатами регрессионного анализа сначала будут идти модели, в которые включаются все религиозные предикторы, затем – модели, в которых религиозные предикторы используются по отдельности, чтобы выявить, какие проявления религиозности имеют большее влияние на политические предпочтения и политическое участие. Столбцы с результатами по общеевропейской выборке будут чередоваться со столбцами результатов по российской выборке с одинаковыми используемыми переменными.

Результаты регрессионного анализа

В таблицах 1 и 2 приведены результаты статистического анализа взаимосвязи политического участия и разных измерений религиозности в России и странах Европы. В первую модель включены все религиозные переменные, а последующие модели позволяют посмотреть на эффект, который оказывают эти переменные на политическое участие по отдельности. В целом все религиозные переменные влияют на склонность человека к политическому участию – как в России, так и в Европе, однако существует множество различий. К примеру, для общеевропейской выборки характерна разница в склонности к политическому участию между представителями нескольких групп. Так, принадлежность к католицизму, православию и исламу негативно влияет на готовность участвовать в политике, в то время как протестантизм и иудаизм, напротив, положительно влияют на политическое участие в сравнении с атеизмом. Таким образом, представители религиозных общин, характеризующихся высоким уровнем внутриагглютированной сплоченности, в большей степени склонны к участию в политике, в сравнении с теми, кто принадлежит к менее сплоченным религиозным сообществам или являются атеистами. В России же статистически значимые различия есть только между атеистами и представителями православия, иудаизма и ислама. Российские атеисты оказываются более склонными к политическому участию в сравнении с православными и особенно мусульманами. Важно заметить, что эффект наблюдается именно в полной модели, где конфессиональная принадлежность проконтролирована на степень религиозности. Это означает, что склонность к политическому участию зависит именно от религиозной аффилиации в сочетании со степенью религиозности, а выявленный эффект не является следствием представлений о себе как о последователе какой-то религиозной традиции. Если в модель из всех религиозных предикторов включать только конфессиональную принадлежность, то от атеистов отличаются только иудеи, а различия между православными и мусульманами пропадают. И в России, и в странах Европы последователи иудаизма проявляют больший интерес к политическому участию.

Посещение церкви находится в положительной взаимосвязи со склонностью к политическому участию, причем в России эффект этой переменной больше, чем эффект в общеевропейской выборке. Аналогично, совершение молитвы увеличивает склонность индивида к политическому участию. Здесь можно предположить наличие именно того эффекта, о котором говорили Макалузо и Вэнэт: следование религиозным ритуалам, а также регулярное посещение религиозных мероприятий формируют у верующих чувство ответственности и долга, которое положительно влияет на гражданскую активность. “Компромиссный” индикатор религиозности как религиозной самооценки показал себя неустойчивым: если в полной модели для общеевропейской выборки коэффициент при этой переменной статистически незначим, то в пятой модели этот коэффициент значим. Напротив, в российской выборке этот коэффициент сначала значим (в полной модели), а затем при включении в модель только этого религиозного индикатора становится незначимым.

В современном мире религия не только может влиять на политические предпочтения и политическое участие людей, но и успешно влияет, причем по-разному в разных странах. Однако в целом специфика взаимосвязи между религиозностью и политическим участием в России незначительно отличается от той, что была выявлена по общеевропейской выборке. В обеих выборках склонность индивида к участию в политике зависит и от конфессиональной принадлежности, и от степени его религиозности. Так, и в России, и в Европе мусульмане и православные оказываются менее активными политически, нежели атеисты, которые в свою очередь значительно уступают в политическом активизме иудеям. Так как эти различия проявляются при включении в модель других измерений религиозности, можно говорить о том, что склонность к политическому участию зависит именно от комбинации религиозной аффилиации и степени религиозности индивида и не является следствием

Таблица 1

**Результаты регрессионного анализа взаимосвязи религиозности
и политического участия (Пуассоновская модель регрессии):
полная модель и религиозная аффилиация**

Переменные	Европа	Россия	Европа	Россия
Католичество	-0,0707*** (0,0158)	-0,115 (0,579)	0,0118 (0,0139)	0,006 (0,579)
Протестантизм	0,0222* (0,0134)	-0,291 (0,318)	0,0810*** (0,0122)	0,251 (0,304)
Православие	-0,350*** (0,0299)	-0,110* (0,0610)	-0,290*** (0,0292)	0,0143 (0,0482)
Иудаизм	0,235*** (0,0596)	1,218** (0,509)	0,303*** (0,0595)	1,548*** (0,505)
Ислам	-0,279*** (0,0321)	-0,243** (0,114)	-0,195*** (0,0313)	-0,0244 (0,100)
Буддизм	-0,141** (0,0640)	-0,0767 (0,308)	-0,0704 (0,0635)	0,0856 (0,304)
Посещение церкви	0,0318*** (0,00409)	0,104*** (0,0231)		
Молитва	0,0159*** (0,00275)	0,0284* (0,0145)		
Насколько вы религиозны?	-0,00316 (0,00216)	-0,0226* (0,0118)		
Контроли: SES	Да	Да	Да	Да
Фиксированные страновые эффекты	Да		Да	
Константа	-0,0460* (0,0246)	-0,294*** (0,0927)	-0,0377 (0,0239)	-0,301*** (0,0887)
Количество наблюдений	32,964	1,858	33,123	1,894

В скобках приведена стандартная ошибка.

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Таблица 2

**Результаты регрессионного анализа взаимосвязи религиозности
и политического участия (Пуассоновская модель регрессии):
количественные измерения религиозности**

Переменные	Европа	Россия	Европа	Россия	Европа	Россия
Посещение церкви	0,0325*** (0,00304)	0,0861*** (0,0166)				
Молитва			0,0186*** (0,00194)	0,0362*** (0,0101)		
Насколько вы религиозны?					0,00796*** (0,00149)	0,0078 (0,00852)
Контроли: SES	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Фиксированные страновые эффекты	Да		Да		Да	
Константа	-0,0874*** (0,0234)	-0,387*** (0,0876)	-0,0868*** (0,0234)	-0,351*** (0,0873)	-0,0940*** (0,0242)	-0,326*** (0,0921)
Количество наблюдений	33,123	1,894	33,123	1,894	32,964	1,858

В скобках приведена стандартная ошибка.

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

только самоидентификации. Количественные измерения религиозности (частота посещения религиозных мероприятий и совершения молитвы) позитивно влияют на политический активизм во всех выборах, причем в российской эффект оказывается сильнее.

Таким образом, на основании проведенного регрессионного анализа можно предварительно говорить о том, что, несмотря на коммунистическое прошлое и религиозную противоречивость в настоящем, Россия хорошо вписывается в общеевропейские тенденции взаимоотношений религии и политического участия. Дальнейшие исследования призваны выявить механизмы, с помощью которых индивидуальная религиозность может оказывать влияние на политическую активность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зоркая Н.А.* Православие в постсоветском обществе // Общественные науки и современность. 2013. № 1.
- Каарияйнен К., Фурман Д.Е.* Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий // Общественные науки и современность. 2007. № 2.
- Кофанова Е.Н., Мchedлова М.М.* Религиозность россиян и европейцев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 2 (96).
- Мchedлов М.В., Гаврилов Ю.А., Кофанова Е.А., Шевченко А.Г.* Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях // Социс. 2005. № 6.
- Пруцкова Е.* Операционализация понятия “религиозность” в эмпирических исследованиях // Государство, Религия, Церковь. 2012. № 2.
- Alesina A., Giuliano P.* Preferences for Redistribution // Handbook of Social Economics. Elsevier, 2011.
- Beyerlein K., Chaves M.* The Political Activities of Religious Congregations in the United States // Journal for the Scientific Study of Religion. 2003. Vol. 42. № 2.
- Brady H.E., Verba S., Schlozman K.L.* Beyond SES: a Resource Model of Political Participation // American Political Science Review. 1995. T. 89. № 2.
- Brug W. van der, Hobolt S.B., Vreese C.H. de.* Religion and Party Choice in Europe // West European Politics. 2009. Vol. 32. № 6.
- Driskell R., Embry E., Lyon L.* Faith and Politics: the Influence of Religious Beliefs on Political Participation // Social Science Quarterly (Wiley-Blackwell). 2008. Vol. 89. № 2.
- Esmer Y., Pettersson T.* The Effects of Religion and Religiosity on Voting Behavior // The Oxford Handbook of Political Behavior. 2007.
- European Social Survey. 6th round. 2012.
- Gershtenson J.* Mobilization Strategies of the Democrats and Republicans, 1956–2000 // Political Research Quarterly. 2003. Vol. 56. № 3.
- Guth J., Kellestedt L., Green J., Smidt C.* Religion and Political Participation // Conference Papers – American Political Science Association. American Political Science Association. 2002.
- Li Y., Marsh D.* New Forms of Political Participation: Searching for Expert Citizens and Everyday Makers // British Journal of Political Science. 2008. Vol. 38. № 2.
- Macaluso T.F., Wanat J.* Voting Turnout & Religiosity // Polity. 1979.
- McTague J.M., Layman G.C.* Religion, Parties, and Voting Behavior: a Political Explanation of Religious Influence // The Oxford Handbook of Religion and American Politics. 2009. Vol. 358.
- Nelsen B.F., Guth J.L., Fraser C.R.* Does Religion Matter? Christianity and Public Support for the European Union // European Union Politics. 2001. Vol. 2. № 2.
- Pepinsky T.B., Welborne B.C.* Piety and Redistributive Preferences in the Muslim World // Political Research Quarterly. 2011. Vol. 64. № 3.
- Philpott D.* Explaining the Political Ambivalence of Religion // American Political Science Review. 2007. Vol. 101. № 3.
- Putnam R.D.* Bowling alone: America’s Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. № 1.
- Wald K.D., Owen D.E., Hill S.S.* Political Cohesion in Churches // The Journal of Politics. 1990. Vol. 52. № 1.
- Wielhouwer P.W.* Religion and American Political Participation // The Oxford Handbook of Religion and American Politics. 2009.